

*кандидат филологических наук,
преподаватель факультета
гуманитарных наук и литературы
государственного Ардаханского
университета, Турция*

СОЮЗНЫЕ И БЕССОЮЗНЫЕ ПОДЧИНТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ТЕКСТАХ КРЫМСКИХ КАДИАСКЕРСКИХ ДЕФТЕРОВ

Так называемые кадиаскерские дефтеры (книги, тетради), а по сути копии судебных актов и документов судов шариата, или сиджили Крымского ханства XVII–XVIII вв. (далее – СКХ), дошедшие до наших дней, иллюстрируют состояние письменного юридического языка крымских тюрок той эпохи. Кроме этого, тексты упомянутых книг дают возможность судить о состоянии языка бытового, по крайней мере, о его диалектной принадлежности и основных чертах грамматического строя.

Постановка проблемы. Синтаксис крымскотатарского языка представляет собой совершенно малоизученную область, особенно в историческом аспекте. Крымскотатарское языкознание сегодня вынуждено обратиться к собственному, неисследованному в своё время, письменному и культурному наследию для решения вопросов как теоретического, так и исключительно практического, прикладного свойства, одним из которых является вопрос языковой реформы и обоснования принципов новой прогрессивной языковой политики.

Целью публикации является рассмотрение подчинительных связей синтаксиса текстов крымских судебных реестров (кадиаскерские сборники) в сравнительно-историческом аспекте.

Актуальность исследования вытекает из самого факта неизученности вопросов исторического синтаксиса крымскотатарского языка. Как нами установлено, публикаций по проблемам синтаксиса крымскотатарских кадиаскерских книг или вообще документов юридического стиля не существует. Нам также не удалось встретить ни одной публикации по синтаксису непосредственно судебных актов османского периода, изданных в Турции либо за ее пределами, хотя синтаксис османского литературно-художественного языка очень подробно освещён в многочисленных научных трудах и «грамматиках». Следовательно, несмотря на самобытный стиль, включающий в себя специфические черты синтаксиса документов юридического характера, который сложился в Османской империи и Крымском ханстве к концу XVI в. и развивался вплоть до эпохи Танзимата, т. е. до середины XIX в., проблема его изучения до сих не привлекла внимания лингвистов-тюркологов.

Тем не менее, грамматический строй и собственно синтаксис многих тюркских языков, как древних, так и новых, изучен довольно подробно. Сделаны определённые наработки и в отношении крымскотатарского языка.

История изучения крымскотатарского синтаксиса начинается с XX в. Большая часть публикаций по этой теме сводится в основном к описательным работам, фиксирующим состояние языка в определённый период времени. Некоторое исключение представляет собой «Опыт краткой грамматики крымскотатарского языка» А.Н. Самойловича, в котором представлен лаконичный, но ёмкий раздел по синтаксису. В нем автор проводит параллели между формантами различных крымских диалектов, в основном различая их по группам языка, принятым на тот момент в тюркологии: южный огузский тип и юго-западный смешанный – огузо-кыпчакский [16, с. 91–104]. Автор описывает различия в использовании служебных частей речи, их составе, предоставляет сведения о морфологии глаголов в литературном и разговорном языках крымских татар, отмечая заметное влияние османского языка на первый.

В 1938-м и в 1940-м гг. вышли учебные пособия для средних школ по крымскотатарскому синтаксису уже для реформированного языка, приближенного к разговорной норме диалектов, распространенных большей частью на севере и в центре Крымского полуострова [10].

Публикации по синтаксису, как и вообще по проблемам языка, во время пребывания крымских татар в ссылке были редки. За исключением очерка Э.В. Севортына «Крымскотатарский язык», в котором представлены общие замечания о современном синтаксисе [17, с. 251–256.], можно назвать учебное пособие по практическому курсу крымскотатарского языка (1989 г.) Э. Акмоллаева, где также есть соответствующий раздел [2]. В 1992 г. на польском языке вышла книга известного тюрколога Г. Янковского «Грамматика крымскотатарского языка», включающая в себя описание синтаксических конструкций [24].

С точки зрения историографического изучения следует упомянуть книгу В. Дримбы, посвященную изучению синтаксиса куманского языка на материале текстов памятника крымского происхождения конца XII – начала XIII вв. – Codex Cumanicus (-a) [22].

Об изменениях в морфологии и синтаксисе армяно-кыпчакского языка, который развивался на кумано-кыпчакской лингвистической базе Крыма и западного Дешт-и-Кыпчака, содержащего многочисленные адстратные явления, вызванные украинско-польским влиянием, писал А.Н. Гаркавец [8]. В связи с этим необходимо упомянуть публикации известного венгерского учёного Яноша Экманна (Janoš Eckmann), который исследовал письменные памятники тюркских литературных языков XIII – XVI вв.: хорезмийского, кыпчакского¹ и чагагай-

¹ Имеется в виду кыпчакский язык мамлюкского Египта XIII – начала XVI вв. (О.Р.)

ского. Ученый представил их подробное типологическое описание, в котором важное место занимают разделы синтаксиса [23].

Среди изданных в Турции грамматик османского языка, в которых также освещались вопросы синтаксиса, следует назвать обстоятельные труды зарубежных лингвистов, например, грамматику 1921 г. французского языковеда Жана Дени (Jean Deny): «Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)», переизданную в Стамбуле в 1941 г. [25].

В тюркологии практически всеми исследователями отмечается схожесть синтаксических конструкций в большинстве тюркских языков. О такой особенности языкового строя тюркских языков писал ещё П.М. Мелиоранский в предисловии к своей «Краткой грамматике киргиз-казакского языка». Впоследствии его мысль о том, что «познакомившись основательно с синтаксисом одного из них (тюркских наречий – О. Р.), можно уже довольно удовлетворительно разбирать синтаксически турецкую (тюркскую) речь вообще», воспроизвёл А.Н. Самойлович в своей грамматике крымскотатарского языка [16, с. 91]. Возможно, понятие подобного «синтаксического архетипа» необходимо воспринимать как первичный и своего рода эзотерический способ описания мира, сохраняющийся неизменным во многих тюркских языках.

Однако, если экстраполировать это понятие на различные исторические периоды, а также современное состояние тюркских языков с учётом исторических трансформаций и фактов языковых и культурологических контактов, то с формальной точки зрения эта теория в современной тюркологии представляется несколько уязвимой. В этом случае, когда присутствуют такие виды синтаксической связи, которые нарушают традиционный тюркский способ выражения мысли, классификация, предложенная Н.З. Гаджиевой и Б.А. Серебренниковым [7, с. 9] о переходных типах тюркского синтаксиса, представляется совершенно уместной и обоснованной.

Исходя из этой классификации, синтаксической строй текстов СКХ мы определяем именно как переходный тип, использующий модели нетипичного для тюркских языков видов связи и изафетных конструкций. Прежде всего, речь идёт об изафетах арабского и персидского типа и способах синтаксических связей, выходящих за рамки классического тюркского строя. В.Г. Гузев применительно к османскому языку называл такой тип синтаксиса смешанным [9, с. 75]. Таким образом, письменный язык Крымского ханства, как и Османской Турции или среднеазиатских постордынских государств, находившихся под влиянием исламской культуры и ориентированных в своих литературных нормах и вкусах на литературу и письменные источники арабского и персидского происхождения, является смешанным по своему синтаксическому строю и переходным по отношению к современному языковому состоянию этих народов.

Отличительной чертой, которую отмечают все исследователи тюркского синтаксиса (А.К. Боровков [5, с. 711], А.Н. Кононов [12, с. 167], Э. Севортыян [17, с. 251], Э.Р. Тенишев [19, с. 43]) является нахождение зависимого слова (или синтагмы) перед тем словом, от которого оно зависит, а именно: определение находится перед определяемым словом, подлежащее – перед сказуемым, придаточное предложение предшествует главному и т. п. То есть вербализация описываемого события в законченном классическом предложении наступает лишь в самом её конце. Например: «Suret-i mezbûrede Mehmed Çelebi kâtib kürk aqçasın verdüm didigi qayd olundı», что в дословном переводе² означает: «В упомянутой выписке Мехмедом Челеби кятибом (писарь, секретарь): «Деньги за мех я отдал», – сказанное было зарегистрировано (букв.: регистрация состоялась. – О. Р.) [1 : Том 1, С. 11-А, (1-84 / 82), текст 2 (142)].

Необходимо отметить, что отличительной чертой синтаксиса текстов СКХ является их нарративный характер с цельными предложениями-рассказами. Членение на предложение в некоторых случаях представляется невозможным, так как придаточные связываются не с помощью союзов, а лишь формами глаголов, выраженных деепричастиями, то есть происходит последовательное наращение придаточных по мере развёртывания события во времени. События представляют собой два фона: действия участников процесса в настоящем времени, которые сводятся к вербальным актам (показал, сообщил, привлёк к суду, ответил отказом, принёс клятву, свидетели принесли свидетельства и т. д.), и события прошлого, которые, как правило, описывает истец и в отдельных случаях ответчик.

Все тексты-предложения устроены по принципу подчинительной связи и являются по сути сложноподчинёнными предложениями. С одной стороны, этот факт можно объяснить особенностями юридического подстиля текстов, где преобладают придаточные условия, обстоятельственные, места и времени и т. п. С другой стороны, подчинительный тип связи является доминирующим в тюркском синтаксисе с его небогатым выбором союзов и ещё меньшим количеством предлогов, большинство из которых являются заимствованными. Этот факт подмечают многие языковеды: «В агглютинативных языках, при сравнительно высоком развитии средств оформления подчинительных связей в сложном предложении, обнаруживается бедность сочинительных союзов, которые к тому же часто оказываются заимствованными» [18, с. 27]. А.Н. Самойлович замечает: «В турецком синтаксисе конструкция подчинения преобладает, сравнительно с русским синтаксисом, над конструкцией сочинения, как в отношении частей одного предложения, так и в отношении сочетания отдельных предложений» [15, с. 107].

В некоторых случаях, там, где синтаксическая связь осуществляется без деепричастного оборота, придаточные вводятся подчинительными союзами. Наиболее распространённым является союз *ki*. Это союз со смысловыми значениями «что», «который», «как», помимо придаточных, он вводит также косвенную речь.

«Oldur **ki**, Alamân nam kimesne Meclis-i Şer’â Ramazan ibn-i Yusufi ihzar idub, dedi **ki**: el-mezbûr Ramazan’a Macar Seferinde bir qara gök atımı otuz altuna bey’ idub, on beş altundan aldım, on beşini virmedi, halâ taleb iderim. Sual

---

² Здесь и далее переводы всех текстов наши – О. Р.

olunub dedi **ki**, (mezbûr Ramazan) dahi gerçek aldım idi. Lakin Âhir kimesneye alıverdim, kendü nefsim için almadım deyü iqrar ve i'tiraf idicek on beş flûri iqrar ile hükm olunub qaydı sicil olundu. Fi'l-yevmu's-salis ve ısrın (23) min Sefer, sene Seb'a Aşer ve Elf.

Şühûdü'l-hâl: Halil Ağası Han-i azzam, Abdullah Efendi, Qazi (bi) Gözlev, Dede Efendi ibn-i Abdulqadir, el-Hafiz Kepenek ve ğayr-i hum.»

В дословном переводе этот текст означает следующее:

«То, **что** некто по имени Аламан, в Собрание (Суда) шариата Рамазана сына Юсуфа вызвав, сказал, **что** упомянутому Рамазану в маджарском³ походе своего белого в черных пятнах коня за тридцать алтынов продал, пятнадцать алтынов я получил, пятнадцать он не дал, теперь я требую. Будучи спрошенным (упомянутый Рамазан), отвечал, **что** истинно, взял я коня, но передал его некому по имени Ахир, не для себя брал, говоря, согласие и признание, как только он выразил (сделал), пятнадцать алтынов признал. Решение, будучи принятым, записано в сиджилъ было. Двадцать третий день месяца Сафара, года 1017 (1608).

Свидетели присутствия: Халиль ага Хани Азам (Халиль – офицер на службе Могущественного Хана), Абдуллах Эфенди кадий (судья) Гёзлева, Деде Эфенди б. Абдулькадира, Эль-Хафиз Кепенек и другие.

[1 : Т. 1, С. 2 В. (левый разворот), Текст 2]

Начало документа, или преамбула «... *oldur ki*, ...» («... то, что...»), является остатком гораздо более длинной и пышной фразы типа: «Причиной записи в чистую страницу явилось то, что...» («*Sebeb-i tahrir-i sahifeyi-yi sahiha oldur ki*,...»),⁴ или такой: «Причиной писания слов и поводом для низания строк явилось то, что...» («*Sebeb-i tahrir-i kâlem ve baisi tastir-i rakam oldur ki*»).⁵ В числе прочего в качестве преамбулы нередки были и такие выражения: «Поводом для обращения к уложениям Закона...» или «Причиной обращения к священным книгам...» и т. д.

Эти фразы в полной форме, как правило, записывались лишь непосредственно в документ, который выдавался на руки по требованию сторон (или же одной стороны – истца). Документ назывался *сурет* (либо *худжет* в зависимости от содержания и последующей функции)⁶ и представлял собой выписку из слушания дела. В регистрационной книге в копиях таких выписок эти шаблоны опускались писцами для экономии времени.

Однако полные формулировки преамбулы присутствуют иногда в отдельных, довольно редких записях судебных актов. Это позволяет обратиться на них внимание как на значимую часть структуры выдаваемого судом шариата документа, продублированного в их регистрационных копиях. Зачин составлялся по правилам арабского синтаксиса, с употреблением арабских же слов: «*Sebeb-i tahrir-i kâlem*» – «Причиной писания слов (речи)...». Данное выражение или его разновидности являются стилистическим шаблоном, оборотом речи, принятым в судебном делопроизводстве в Крымском ханстве. Нередко похожими оборотами начинались и ярлыки крымских ханов, переписанные в книгу сиджилей.

Остаток этого зачина (*oldur ki*, ...), присутствующий почти во всех документах СКХ, будучи частью полной фразы, формально и семантически является главным предложением по отношению ко всей последующей части, которая поясняет причину этого «приложения пера». По утверждениям многих исследователей, тип синтаксиса, подобный представленному в первом предложении текста, является иранским и был заимствован тюркскими языками. Однако, на наш взгляд, подобное утверждение не является столь уж очевидным.

Прежде всего, необходимо отметить, что в тюркологии существует две точки зрения на происхождение самого союза **ki**, который употребляется в тюркских литературных языках, начиная с древнейших времён. Так, А.П. Поцелуевский характеризует этот союз именно как заимствованный из фарси: «Синтаксические конструкции с *ki* заимствованы из персидского языка, что особенно ярко сказывается в несвойственном туркменскому языку порядке предложений: зависимое предложение не предшествует главному, а следует за ним» [13, с. 79].

А.Н. Баскаков выражает такое же мнение, записывая его в перечень заимствованных частей речи: «...Подчинительные союзы персидского происхождения: *ki* «что», *çünkü*, *zira* «так как, потому что»...» [3, с. 155]. Далее учёный уточняет, что в случае с союзом *ki* можно говорить о синонимии с тюркским вариантом: «Собственно турецких подчинительных союзов не существует, кроме весьма спорного грамматического синонима персидского союза *ki* турецкого *ki* (*kim*)» [3, с. 155].

А.М. Щербак не уточняет происхождение этого союза в староузбекском языке, находившегося так же, как и османский, под влиянием персидского языка и литературы, но говорит о его генеалогической близости с тюркским вопросительным местоимением *kim* (кто, который) [20, с. 207]. Автор приводит примеры составных или сложных союзов с участием *ki* (в транскрипции Щербака применительно к узбекскому произношению «кэ»), некоторые из которых, например, *içün ki* (потому что; для того, чтобы) мы склонны рассматривать как словообразовательную базу для современного союза *çünkü* (потому что), который А.Н. Баскаков относит непосредственно к иранским. Правда, подобные наши умозаключения требуют более основательного изучения данного вопроса. В исследовании Н.З. Гаджиевой и Б.А. Серебрянникова указаний на происхождение союза *ki* нет. Однако авторы отмечают его смысловую тождественность и схожую функциональность с вопросительным словом (местоимением) *kim*, тюркское происхождение которого очевидно [7, с. 202]. В более древний период именно это слово играло роль подчинительного союза:

³ Маджар (крым/тат.) – Венгрия.

⁴ [1 : Т.1, стр. 8 В (левый разворот), текст 1].

⁵ [1 : Т.1, стр. 8 В (левый разворот), текст 2].

⁶ О типах документов в СКХ подробнее см. Рустемов О.Д. «Крымские судебные книги: типы документов и их структура» [14].

«Собственно подчинительных союзов, т. е. слов, полностью лишённых самостоятельной семантики и выступающих только в служебной функции в качестве подчинительных союзов, в языке ПДТП⁷ нет. В функции подчинительных союзов используются вопросительные слова *ким* «кто», *калты* «как» [11, с. 131].

В тюркологии бытует также мнение о том, что союз *ki* является диалектной особенностью, распространённой по большей части среди огузских языков: «Ряд союзов проник в кыпчакские языки после средневековья из тюркских литературных языков прошлого: в татарском – «огузский» союз *ki*; араб. *lakin*, перс. *hām* проник в башкирский, караимский, крымскотатарский, ногайский, татарский» [7, с. 325]. На наш взгляд, это утверждение является спорным ввиду широкой распространённости этого союза в средневековой литературе различных тюркских языков и наречий, как западных, так и восточных, описываемых ныне как кыпчакские. В отношении же именно крымскотатарского языка можно утверждать, что синтаксические конструкции совершенно разного типа, в том числе и с нарушением классического тюркского порядка слов в предложении, встречаются уже в словаре *Codex Cumanicus*.⁸

«Ave Maria, ki bizge
Uruğ tuvruq-sen azlıqqa,
Bağamızça andan başqa
Teuışti edik tas bomaqğa».

«Аве Мария, кто нам

Родила зерно для пищи.

Все мы, если бы не она (кроме неё)

Были бы вынуждены погибнуть» [12, с. 377].

Как видно из отрывка, союз *ki* здесь абсолютно сопоставим с тюркским вопросительным словом *kim*, является его трансформацией и явно указывает на генеалогическое родство с ним. Лексика отрывка полностью тюркская (за исключением *Ave Maria*), без иноязычных вкраплений. Подобное построение фраз можно встретить и в этнолекте куманского языка – армяно-кыпчакском, а также в современном караимском и крымчакском. Все эти языки генетически восходят к крымскому тюркскому языку, основой которого был куманский. Таким образом, для крымскотатарского языка употребление союза *ki* не было заимствованием из огузских языков, а является его естественным, природным элементом. Возможно, здесь необходимо вспомнить о том, что куманский (или кыпчакский) язык исторически восходит к огузской ветви тюркских языков.

С другой стороны, в сохранившихся памятниках (ярлыках) официального языка Золотой Орды – *Türki*, ставшего основой для формирования татарского языка Поволжья и сыгравшего заметную роль в становлении языка крымских тюрок, достаточно часто встречается составной сочинительный союз *ta ki* («а также, к тому же, далее») (см., например, тексты ярлыков, собранные в книге Вельяминова-Зернова [6]). В настоящее же время, действительно, наиболее частотное употребление этого союза наблюдается в турецком и азербайджанском языках, в меньшей степени – в туркменском и крымскотатарском. В языках же кыпчакской группы (согласно современной классификации) он имеет ограниченное хождение.

Таким образом, если даже признать конструкции с инверсионным относительно тюркского строя порядком частей предложения со сложноподчинительным союзом *ki* как те, что развились под влиянием иранского языка, то следует подчеркнуть, что это заимствование произошло в далёком прошлом, и такой порядок уже давно является естественным для тюркской письменной и, как мы видим из текстов СКХ, устной речи.

В приведённом выше отрывке союз *ki*, помимо подчинительной связи, вводит косвенную речь участников иска. За исключением двух деепричастных оборотов на *-ib* (*-ub* / *-b*) и застывшей деепричастной формы *deyü*, выполняющей связующую функцию между частями предложения, глаголы-сказуемые выражены категоричным прошедшим или будуще-настоящим временем (*taleb iderim*), что позволяет ставить цезуру в речи и членить текст на предложения. В следующем тексте вводится косвенная речь, а части предложения связываются деепричастными оборотами без союзов (за исключением преамбулы). Это делает текст монолитным:

«Oldur ki, Haqqı (حق) Sağan bin el-Aman Mahfil-i qaza`ya Seyfullah bin Abdullah Elhaci ihzar idub: «Müşarun ilveh Seyfullah bey qılıç ile darb idub başımda ve arqamda cerahat eyledi; sual olunsun» – dıcek, **gıbbı's-sual bade'l-inkâr** İbrahim bin Göki ve Eşi bin Canmuhammed: işbu Haqqı Sağanı Seyfullah qılıç ile döğdüğüne şahidleriz, şehadet dahi ideriz, - didiklerinde, el-merkum Seyfullah: bunlar Mecliste idi benim ile döğüşmüştür – didikte, Seyfullah döğüştüklarine beuyine tevaqquf olub qayd olundu. Cera zelik fi evasit-i Muharrem-ül-haram, sene Semani Aşer ve Elf.

Şühüdü'l-hâl: Müslıhitdin Efendi, Muhammed Efendi eş-Şeyh, Mansur bin Balı ve Qasım Dede».

В дословном переводе текст звучит так:

«Тяжба о нанесённой саблей ране

То, что Хакки Саган б. эль-Аман, привлекая (к суду) Сейфуллу б. Абдуллах Эльхаджа: «Указанный Сейфуллах-бей, ударив саблей, нанес мне раны на голове и на спине, пусть он будет спрошен», сказав (сразу), после вопроса (и) после отрицания, Ибрагим сын Кокья и Эши сын Джанмухаммеда: «Этому самому Хакки Сагана Сейфуллах саблей ударившего мы свидетели и свидетельства свои приносим», по произнесению, упомянутый Сейфуллах: «Эти были в собрании (в компании), вместе со мной ударили», говоря Сейфуллах в нанесённых им ударах доказанным будучи было зарегистрировано. Дня текущего, середина месяца Мухаррем, года 1018 (1608/1609).

⁷ Памятники древнетюркской письменности.

⁸ Подробнее см.: Argunşah, Mustafa; Güner, Galip. *Codex Cumanicus*. İstanbul, Kesit, 2015. – 1079 s.

Свидетели присутствия: Мюслихитдин Эфенди, Мухаммед Эфенди эш-Шейх, Мансур б. Бали и Касым Деде». [1, Т. 1, с. 1-А (правый разворот), Текст 8]

Смысл приведённого отрывка сводится к тому, что некоего Хаккы Сагана его обидчик Сейфулла коснулся ударом саблей (в записи, кроме оборота *darb idub* «нанеся удар, ударив», используется также глагол *döğmek* – «тронуть», «коснуться»). По этому поводу Хаккы заявляет иск, описывая произошедшее с ним событие и требуя опросить Сейфулла. В тексте употреблены два арабских изафетных выражения, идущих друг за другом: *gibb's-sual bade'l-inkâr* / «после вопроса и после отказа», что также является стилистическим шаблоном текстов юридического содержания, заменяющих более длинные фразы: «был задан вопрос упомянутому (ответчику), на что тот ответил отказом». В некоторых текстах присутствуют, тем не менее, именно такие длинные фразы, написанные на тюркском языке⁹.

После несогласия ответчика с обвинениями истца наступает черёд опроса свидетелей, которые солидарны с истцом и приносят свидетельства в его пользу. Затем и сам Сейфулла добавляет от себя, что они были вместе в компании и эти двое тоже коснулись саблей злосчастного Хаккы.

Во всём длинном отрезке основной части записи, следующей после преамбулы, обнаруживается исключительно тюркский повествовательный синтаксис, воспроизводящий разговорную речь участников, и это несмотря на то, что количество арабских заимствований составляет приблизительно 51%. Однако необходимо отметить, что все глаголы, обеспечивающие ритм и тип синтаксиса, находятся в составе именно тюркской части лексикона. При этом почти все они, за исключением формантов *döğdüüne* и *döğüşmüştür*, выполняют роль вспомогательных глаголов, образуя с существительными арабского происхождения составной глагол, иногда выраженный деепричастным оборотом: *ihzar idub* (букв. «представив», т. е. «привлекая к суду»); *qılıç ile darb idub* («нанеся удар саблей»); *cerahat eyledi* («нанёс раны, ранил»); *sual olunsun* («пусть он будет опрошен»); *şehadet dahi ideriz* («мы также приносим свои свидетельства»); *mecliste idi* («находился (-лись) в собрании»); *tevaqquf olub* («будучи связанным, находясь в зависимости»); *qayd olundi* («было зарегистрировано»).

Если разбить данный текст на отдельные синтагмы, то внутри него мы обнаружим подчинительные связи между ними, образованные, по определению Самойловича, «распространёнными обстоятельственными дополнениями» с деепричастиями на *-ip* (*-ip*; *-up* / *-ür* и *-p*) [15, с. 137]. В отличие от русского языка, подобные дополнения в османском имеют «особое грамматическое подлежащее» [15, с. 137]. Так как деепричастия в данном отрывке выражены вспомогательными глаголами *-i*; *-ol*, то «грамматическими» сказуемыми будут являться существительные, которые к ним относятся: *darb idub* (дословно: «удар дела»); *tevaqquf olub* («будучи в связи»). Подобные конструкции не всегда можно перевести на русский язык буквально. Как правило, такие деепричастия описывают действие в прошедшем времени. При этом лингвисты указывают на то, что употребление формантов на *-ip* в огузских языках было больше свойственно восточной Анатолии и Закавказью [26, с. 60]. Например, в османском (также как в старокрымскотатарском и староанатолийском) языке возможно употребление этих деепричастий, и оно допускается в современном турецком и крымскотатарском лишь в третьем лице, без личных суффиксов временных показателей, тогда как в азербайджанском языке деепричастные формы на *-ip* трансформировались в разряд глаголов «повествовательного прошедшего времени» и могут иметь показатели лица: *mən gəlübəmən*; *biz gəlübüz*; *sən gəlibsən*; *siz gəlibsiz*; *o gəlibdi* («я пришёл / пришедший был», «мы пришли» и т. д.) [4], что сближает его с языками карлукской группы (узбекским).

В каждом отрезке, образованном деепричастными оборотами, присутствуют существительные, которые выступают одновременно подлежащими. В тексте подлежащими выступают участники процесса: истец, ответчик и два свидетеля. После главного предложения следуют три условно придаточных предложения (скорее, деепричастные обороты) и два изафета, подразумевающих такие же полные фразовые отрезки, но сокращённые по правилам арабского синтаксиса до уровня неделимых словосочетаний. В таком контексте изафеты представляют собой стенографические приёмы, которые заменяют более длинные фразы, и, следовательно, несут определённую терминологическую нагрузку. Придаточные предложения связаны между собой формантами глагола *di* («говорить, сказать»): *dicek* («сразу) как только сказал»); *didiklerinde* – «говоря» (во время их совместного говорения, по произнесению ими совместного заявления); *didikte* – «говоря» (во время его говорения; по произнесению им слов), что и придаёт всему высказыванию повествовательный характер.

Следует отметить, что среди текстов кадиаскерских книг встречаются и гораздо более длинные предложения-рассказы, которые строятся по описанной нами схеме. Это позволяет говорить о нарративном характере синтаксиса этих документов, что присуще подобным описаниям судебных процессов.

В качестве выводов к статье необходимо указать на абсолютно тюркский синтаксический строй, хотя наличие арабских и персидских изафетов, а также многочисленные заимствования могут характеризовать такой синтаксис как смешанный. Однако отношения «субъект – предикат» остаются именно тюркскими. При этом наблюдается больше современная модель синтаксиса, чем древняя, архаичная. Формы же деепричастий, как и морфология глаголов, свидетельствуют о том, что синтаксис кадиаскерских тетрадей Крымского ханства построен по

⁹ Подобные факты, указывающие на отсутствие чёткого стандарта, говорят о том, что стиль юридических документов в XVII в. претерпевал изменения в сторону демократизации и упрощения официально-делового языка путём увеличения тюркской составляющей. Также необходимо отметить, что менялся и состав заимствованных слов, прежде всего, из арабского языка. Более древним и в некотором роде кораническим выражениям на смену приходили слова и выражения более «светского» характера, не несущие явной религиозной нагрузки. Эта тенденция стала отчётливо проявляться в письменном языке крымских татар в конце XIX в., а также в коротком, но показательном периоде эпохи 1-го Курултая, когда была образована Крымская Народная Республика, (1917-1918 гг.) – О. Р.

ожнотюркському, огузському типу, в отличие от ханських ярликів, написаних більш чистим тюркським мовою в традиціях мови Золотоординського Тюрки.

Литература:

1. Копії кримських судових реєстрів, зберігаються в бібліотеці ім. Гаспринського в Сімферополі. Архівний фонд: 67 А90. Т. 1.
2. Акьмолаев Э.С. Къырымтатар тилининъ амелияты. Практикум по кримскотатарскому языку / Э.С. Акьмолаев. – Ташкент : Укитувчи, 1989. – С. 84–131.
3. Баскаков А.Н. Предложения в современном турецком языке. / А.Н. Баскаков. – М. : Наука, 1984. – 200 с.
4. Баширов К.К. Суффиксы глаголов прошедшего времени в огузской группе тюркских языков / К.К. Баширов // Вестник Чувашского университета. – 2013 – № 2. – С. 151–154.
5. Боровков А.К. Краткий очерк грамматики узбекского языка. / А.К. Боровков // Узбекско-русский словарь. – М. : 1959. – С. 679–727.
6. Вельяминов-Зернов В.В. Материалы для истории Крымского Ханства, извлеченные по распоряжению императорской АН из Московского Главного архива Министерства Иностранных Дѣлъ / В.В. Вельяминов-Зернов. – Тифлис : Энфьянджанца и Комп., вь Тифлисъ, 1864. – 941 с.
7. Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / Н.З. Гаджиева, Б.А. Серебряков. – М. : Наука, 1986. – 284 с.
8. Гаркавец А.Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский / А.Н. Гаркавец. – Алма-Ата : Наука, 1987. – 224 с.
9. Гузев В.Г. Староосманский язык / В.Г. Гузев. – М. : Наука, 1979. – 95 с.
10. Ислямов А. Татар тилининъ грамматикасы (грамматика татарского языка). Синтаксис / А. Ислямов. – Сімферополь : Кърымдеवेशир, 1940. – 120 с.
11. Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII – XI вв. / В.Г. Кондратьев. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1981. – 191 с.
12. Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка / А.Н. Кононов. – М. : Изд. АН СССР, 1943. – 311 с.
13. Поцелуевский А.П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка / А.П. Поцелуевский. – Ашхабад : Туркменское Объединённое Государственное Издательство, 1943. – 100 с.
14. Рустемов О.Д. Крымские судебные книги: типы документов и их структура. / О.Д. Рустемов // Сходознавство, 2015. – № 70 – С. 95–114.
15. Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого словаря / А.Н. Самойлович. – Л. : Ленинградский институт живых восточных языков, 1925. – 158 с.
16. Самойлович А.Н. Опыт краткой крымскотатарской грамматики / А.Н. Самойлович. – Петроград, Тип. И. Борганского, 1916. – 104 с.
17. Севортян Э.В. Крымско-татарский язык / Э.В. Севортян // Языки народов СССР. – Т. 2. Тюркские языки. – М. : Наука, 1966. – С. 234–259.
18. Тарланов З.К. Введение в спорные проблемы общей теории синтаксиса / З.К. Тарланов. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2010. – 47 с.
19. Тенишев Э.Р. Тюркоязычных письменных памятников языка / Э.Р. Тенишев // Языки мира. Тюркские языки. – М. : Издательский дом РАН, 1996. – С. 35–46.
20. Щербак А.Н. Грамматика староузбекского языка. / А.Н. Щербак. – М.-Л. : Изд. АН СССР, 1962. – 274 с.
21. Codex Cumanicus / Derleyici: Argunşah, Mustafa; Güner, Galip. – İstanbul : Kesit, 2015. – 1079 s.
22. Drimba V. Syntaxe Comane. – Bucureşti – Leiden : EDITURA ACADEMIEI – E. J. Brill, 1973. – 328 p.
23. Eckmann J. Harezmi, Kıpçak ve Çağatay Türkçesi Üzerine Araştırmalar / J. Eckmann. – Ankara : TDK, 2003. – 438 s.
24. Jankowski H. Gramatyka języka krymskotatarskiego [Text] : научное издание / H. Jankowski ; Un-t im. Adama Mickiewicza. – Poznań : [s. n.], 1992. – 455 s.
25. Jean D. Türk Dili Grameri (Osmanlı Lehçesi). – İstanbul : Maarif Vekâleti, 1941. – 94 s.
26. Şahin H. Eski Anadolu Türkçesi. / H. Şahin. – Ankara : Akçağ Yayınları, 2003. – 319 s.

Анотація

**О. РУСТЕМОВ. СПОЛУЧНИКОВІ ТА БЕЗСПОЛУЧНИКОВІ ПІДРЯДНІ ЗВ'ЯЗКИ
В ТЕКСТАХ КРИМСЬКИХ КАДІАСКЕРСЬКИХ ДЕФТЕРІВ**

У статті розглядаються особливості синтаксису судових реєстрів Кримського ханства XVII – XVIII ст., відомих також як сіджилі, або кадїаскерські книги. У центрі уваги – синтаксичні структури з безсполучниковим і сполучниковим підрядним зв'язком. Розглядаються суперечливі питання походження сполучника *ki* і «зворотного» типу речень. Наводяться приклади з оригінальних текстів.

Ключові слова: кадїаскерські дефтери, нарративний характер, преамбула, дієприслівникові звороти, підрядні зв'язки.

Аннотация

**О. РУСТЕМОВ. СОЮЗНЫЕ И БЕССОЮЗНЫЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ
В ТЕКСТАХ КРЫМСКИХ КАДИАСКЕРСКИХ ДЕФТЕРОВ**

В статье рассматриваются особенности синтаксиса судебных реестров Крымского ханства XVII – XVIII вв., называемых также сиджилями. В центре внимания – синтаксические структуры с бессоюзной и союзной подчинительной связью. Затрагиваются спорные вопросы происхождения союза *ki* и «обратного» строя предложений. Приводятся примеры из оригинальных текстов.

Ключевые слова: кadiaскерские дефтеры, нарративный характер, преамбула, деепричастные обороты, подчинительные связи.

Summary

**O. RUSTEMOV. CONJUNCTIONALY AND NON-CONJUNCTIONALY SUBORDINATE CONNECTIONS
IN THE TEXTS OF THE CRIMEAN KADYASKER'S BOOKS**

The article deals a syntax features of. the Crimean Khanate's court registers, also called *sidzhils* or *kadiasker's* books. In the spotlight are syntactic structures with conjunctionally and non-conjunctionally subordinate connections. There are considered the controversial issues of the *ki* conjunction's origin and the "reverse" order sentences. It's given examples from original texts.

Key words: *kadiasker's* *defters*, narrative character, preamble, adverbial participle turn, subordinate connections.